

Инна СКЛЯРЕВСКАЯ

Инна Скляревская родилась в Ленинграде, окончила ЛГИТМиК. Художница, театровед, автор книги «Тальони. Феномен и миф» (М.: НЛО, 2017). Живет и работает в Санкт-Петербурге.

ДЕВОЧКИ В САНАТОРИИ

Из книги «Детский мир»

Посреди белесой бессолнечной зимы навсегда застыла твердыня двухэтажного здания, растущего прямо из колючих снежных сугробов. Его первый этаж так высок, что здание немного похоже на замок из книжки братьев Grimm. А снежные заносы у стен похожи на те горы, из которых растут на картинках такие замки.

На самом деле это типовое здание двухэтажного детского сада со спальнями в каждом крыле и входной дверью посередине.

Только это не садик.

Это корпус детского санатория «Ушково». В нем живут маленькие дети, которым дали сюда направление. Они здесь так давно, что некоторые даже не помнят дня, когда родители привезли их сюда и оставили. Но, вероятно, прошло все же не больше двух месяцев, потому что здесь нет времён года. Здесь всегда зима.

Санаторий «Ушково» стоит в поселке Ушково. А Ушково – оно в Ленинградской области, за районным центром Зеленогорск, который совсем не так уж давно был курортом в стране Финляндии, и назывался он Териоки, а Ушково тогда называлось Тюрисевя, а потом была война, тоже зимой, а вслед за нею еще одна, большая, и закончилась она всего двадцать лет назад, каких-то двадцать лет с хвостиком. И был солдат Ушков, и погиб на этой войне, где-то не очень далеко отсюда. А где-то далеко, в каких-то совсем других местах, рано постаревшая женщина с той же фамилией осталась скорбеть и плакать, и вряд ли утешилась она оттого, что сменили потом название поселку Тюрисевя. Переназвали же Тюрисевя в рамках борьбы с космополитизмом. И Тюрисевя, и еще полтысячи финских городков и поселков, чтобы навсегда стереть саднящее прошлое с лица этой земли. И стерильная новая топонимика, очень быстро раздав все свои припасенные Первомайские, Пионерские, Ягодные и Грибные, вытасила под конец имена награжденных посмертно.

И прошло с той большой войны ровно столько лет, сколько было убитому солдату Ушкову, а не дожил он до своего двадцатидвухлетия ровно одну неделю.

Но ничего этого дети не знают: ни про финский курорт, ни про солдата с недожитым днем рождения, ни про то, что двадцать с хвостиком лет – это «всего» и «каких-то».

Дети просто живут здесь в группах.

Без мамы и папы, одни.

Детей в санатории кормят, следят за ними, отправляют на процедуры и читают им перед сном сказки. Это делают воспитательницы или медсестры, неотличимые друг от друга, потому что все они в одинаковых белых халатах. Потом детей отправляют спать, и наступают ночи. Ночами с детьми остаются ночные нянечки. Они тоже в белых халатах, только они постарше, чем воспитательницы и медсестры. Они здесь, наверное, как бы на месте бабушки. Кормят детей четыре раза в день. На завтрак бывает каша, на обед – первое, второе и компот, на полдник, который почему-то не в полдень, а после тихого часа, – неинтересная булочка с кефиром. А на ужин – второе без первого и еще сладкий коричневый чай, так не похожий на тот, что пьют дома. Иногда на ужин бывают макароны рожки, жарко слипшиеся и накрытые сверху растекшимся от горячего сыром. И это вкусно.

Иногда вместо сказки с детьми проводят беседу. Должно быть, сегодня ее вела медсестра, потому что она говорила что-то про организмы.

«Организм человека состоит из клеток, – повторяет вечером девочка Таня, когда засыпает в своей кровати. – Самая большая клетка – грудная».

Яна и Анжела

Перед корпусом стоит детская площадка с домиками и лесенками. Она полностью засыпана нетронутым снегом. Под ним, как под одеялом, угадываются контуры горок, осликов на огромной пружине, качелей, на которых качаться надо вдвоем, как на больших весах. Все это дети смутно узнают, помня по давней осени и несбыточному лету. А вот и барабан – высокая конструкция с деревянной бочкой на вертеле. Такое бывает не на каждой площадке – в какой-то другой, нездешней жизни ходили они в далекий двор, и карабкались вверх, крепко хватаясь за перекладину, и ступали ногой на гулкое дощатое пузо барабана. Барабан издавал поющий звук, неожиданно легко трогаясь с места, проворачиваясь и уезжая из-под ног. Поддаваясь этой обманной уловке, ноги сами делают шаг вперед, еще и еще, и вот уже он, грохоча и поскрипывая, как старый корабль, вращается под твоим бегом, наливаясь тяжестью и силой. Вы сливаетесь в общем движении, он несет тебя, заставляя бежать все быстрее, но все-таки ты тут главный: поймав ритм, ты берешь верх, и теперь уже сам разгоняешь его, а потом умиряешь, с усилием замедляя шаги. Это трудно, но зато барабан повинует, стихает, теряя грозную силу, и наконец снова становится под тобой легковесным и хлипким. Внизу стоят другие дети, ждущие своей очереди. Задрав головы, они смотрят на тебя. И ты слезаешь оттуда, ступая гудящими ногами на плоскую низкую землю.

Здесь, в санатории, барабан тих и недвижим. Сверху на нем лежит толстая подушка из снега, а внизу он подоткнут снежным одеялом. И даже на перекладине сверху – длинная снеговая колбаска, похожая на зубную пасту из тюбика. Рядом с ним стоят огромные фигуры из снега. Это не простые снеговики, а настоящие статуи. Они вылеплены коряво и мощно, и они цветные – одна бледно-розовая, другая зелененькая, третья голубоватая. Это потому, что они облиты для красоты разбавленной водой чернилами.

Дети идут парами мимо укрытой снегом площадки и снежных статуй, облитых водой с чернилами. Девочка Яна идет в паре с девочкой Анжелой. Когда их одевали на прогулку, оказалось, что у них одинаковые мутоновые шубки, коричневые, с белыми вставками на груди, и такие же шапки. С тех пор все решили, что девочки Яна и Анжела дружат. Их поставили в одну пару. И даже когда в санаторий пришел фотограф, фотографировали их вместе. Наверное, морозы к тому времени кончились, потому что снимали детей на улице. Девочек Анжелу и Яну в одинаковых шубках и шапках поставили около белой березы – одну справа, а другую слева от ствола. На фотографии девочка Анжела весело улыбается, и девочка Яна тоже улыбается, но не так весело. Печатая фотографию, фотограф надписал ее черной тушью прямо по березе: «Анжела. Яна. Санаторий “Ушково”. 1967 год».

Отвод от прививок

Дверь открылась, и в группу вошла медсестра с медкартой в руках. «Петрова!» – громко сказала она, глядя в карту. Девочка Петрова замерла над раскраской, по которой только что чиркала цветными карандашами. Медсестра оторвалась от карты, пошарила глазами и нашла девочку Петрову. «Пойдем», – сказала она и вынула из рук у девочки карандаш. Они вышли из группы и оказались на лестничной площадке, куда детей обычно выводили только всех вместе, когда вели на прогулку или в баню, и тогда возбужденные дети махали руками и болтали громче обычного, а воспитательницы шикали и говорили: «Так, а ну-ка тихо!»

Сейчас здесь было именно что тихо, так тихо, что, казалось, на лестнице плотно гудит воздух. И совершенно пусто. Девочка Петрова отчетливо увидела, что стены лестницы выкрашены масляной краской темно-серого цвета. Как странно – красить в такой цвет стены

в детском учреждении. Хотя, возможно, это просто был очень пасмурный день. Девочка Петрова даже не то чтобы поняла, а как-то всем телом почувствовала, что сейчас ей будут делать укол. «У меня отвод!» – сказала она в спину медсестре, которая вела ее за руку и поэтому шла на шаг впереди. Это волшебное медицинское слово не раз спасало ее в садике, где к нему относились с уважением и опаской. Медсестра, не услышав спиной ее голоса, толкнула дверь и ввела девочку в тесную каморку. Здесь стены были окрашены зеленым, но было еще темней, чем на лестнице. Только откуда-то била узкая струя резкого серого света – наверное из-под двери, которая вела в другое, следующее помещение. Девочке Петровой показалось, что сквозь широкую спину в белом халате она увидела, как в руках медсестры блеснул шприц. «У меня отвод от прививок!» – четко и громко повторила девочка. Коротко взглянув на нее, медсестра принялась листать карту. «Стой здесь», – сказала она и ушла в дверь, из-под которой бил серый свет. В каморке, где осталась стоять девочка, не было ничего, кроме коричневой кушетки на квадратных деревянных ногах. Кушетка была покрыта медицинской клеенкой, поверх которой лежал кусок ветхой белой простыни с исстиранным штампом. В самом низу живота у девочки Петровой соткалась какая-то чужая холодная тяжесть, как будто из ее нежных внутренностей сам собой слепился белый ком мокрого снега. Откуда-то она знала, как все будет. Сейчас сестра возьмет ее своими проворными сильными руками и положит лицом вниз на эту кушетку, и она будет чувствовать голым животом сухую простыню, скользящую по клеенке, а в тонкую кожу под коленями вопьется резинка бесцеремонно спущенных трусов. И по оголенным ягодицам, обращенным кверху, будет непривычно гулять упругий тугий воздух. Потом медсестра громко звякнет стальной коробкой, в которой только что кипятились стеклянные шприцы. Она выберет из них один, посмотрит пристально, как из иглы бьет тонкая острая струя. Потом грубо потрет теплое тело холодной мокрой ваткой. «Мне нельзя!» – громко сказала девочка, потому что дверь как раз открылась, и сестра вдвинулась в каморку. «Да все тебе можно», – беззлобно сказала сестра и крепко прижала ее к себе. Девочка Петрова успела близко увидеть желтоватую бязь халата и простую, как на наволочке, пуговицу. Крепко держа девочку локтем, сестра одним ловким движением задрала край платяца и мазнула кожу под трусами, и тут же, молниеносно разрядив шприц, прижала место укола ваткой. Ошеломленная, девочка Петрова запоздало почувствовала резкий запах спирта и несильную вязкую боль, которой наливалось тело, но не в самом низу, где она думала, а повыше, почти что у спины.

Бабочки и жуки

Когда девочка Ира вошла в группу, часть детей уже была в карнавальных костюмах, а остальные, сами или при помощи воспитательниц, что-то на себя нацепляли и застегивали. Девочки были одеты бабочками. К их спинам были прицеплены прекрасные прозрачные крылья из капрона, натянутого на проволочный каркас и отороченного атласной тесемкой. Крылья были разных цветов: у одних лимонного, у других розового, а еще голубого и сиреневого. К каждой паре крыльев прилагался венчик на голову, того же цвета и с двумя пружинящими палочками, которые на самом деле были, конечно, бабочкины усики. Крылья держались на лямках, какие бывают у рюкзака, только розовых и перекрещенных на груди. Такие же лямки были у мальчиков, и за спиной у них висели, собственно, тоже крылья, только совсем другие: плотные, коричневые или темно-зеленые, и не распахнутые, а сложенные, закрывающие всю спину, как панцирь. Мальчики были жуками. Те девочки, которых уже нарядили, вид имели горделивый и неприступный, ни с кем не болтали и не толклись кучкой, как обычно. Они стояли каждая по отдельности, слегка раскинув руки, как будто на них были надеты кринолины, и все как одна похорошели. А мальчики-жуки все как один стали воинственными, как будто на них были надеты доспехи. Они, наоборот, стояли кучкой, толкаясь и грозно жужжа друг на друга (и – издали – на девочек), и даже немного пихали друг друга локтями.

Задохнувшись на секунду от восхищения и решив для себя, что если будет выбор, то она хочет сиреневые, девочка Ира стала искать глазами, где лежат незанятые крылья. На двух взрослых стульях была навалена груда плотных жучковых спин, но сияющего капрона нигде не было видно. Рядом со стульями малознакомая чернявенькая девочка со стриженными кудрями напяливала на себя какой-то белый балахон, повизгивая от нетерпения и так торопясь, как будто боялась, что этот балахон у нее отнимут. Заметив воспитательницу, девочка Ира подбежала к ней и потрогала за рукав. «А где бабочки?» – спросила она с легкой тревогой. «Все костюмы там», – сказала воспитательница, кивнув на стулья с жуками.

С нарастающей тревогой девочка Ира роется в наваленных жучковых крыльях, приподнимая каждые из них и заглядывая, не застряли ли между ними бабочкины. Хотя и так ясно, что их там нет – их было бы сразу видно, ведь они гораздо шире жучковых. Девочка Ира снова бежит к воспитательнице и трогает ее за рукав. «Там нет!» – говорит она с беспокойством. «Ну, значит, кончились, – говорит воспитательница, идя к стульям. Она поднимает всю кипу и достает из-под нее красное, с белыми кругами. – Ты будешь божья коровка». Девочка Ира смотрит на красный панцирь и с неотвратимой ясностью понимает, что и женский род, и детки, которые якобы кушают котлетки и ждут божью коровку на небе, – все это пошлый обман. Божья коровка – не девочка. Божья коровка – жучок. Хоть и крашенный. «Но я хочу бабочкой!» – уже совершенно упавшим голосом говорит девочка Ира. «В другой раз, – миролюбиво говорит воспитательница. – Ты же видишь – нету больше». И начинает прилаживать ей на спину то, что есть. А потом берет ее за руку и ведет к другим детям.

Девочка Ира чувствует себя так, как будто с нее сняли штаны и повесили табличку с плохим словом. Она недодевочка. Ей кажется, что все остальные дети смотрят на нее с презрением и насмешкой. Девочки-бабочки, изогнув красивые брови, фыркнули и отвернулись. Мальчики-жуки издевательски пожужжали в ее сторону и тоже отвернулись. Девочка Ира смотрит в пол. Кто-то вложил в ее руку чью-то потную ладошку, а в другую руку еще одну, жаркую и сухую. По команде воспитательницы хмурый пожилой баянист, давно сидящий в углу на табуретке (пианино в санатории нет), шумно расправил мехи и заиграл музыку. Хоровод тронулся с места. Девочку Иру дернули за руку, и она покорно побежала вместе со всеми. «А теперь полетели!» – скомандовали воспитательницы. Чужие ладошки выдернулись, и все полетели: мальчики – растопырив прямые руки в стороны и накрываясь то вправо, то влево, как будто они уже не рыцари, а самолеты. А девочки – грациозно плеща руками, как будто все они балерины.

Девочка Ира бежит, механически махая руками, как деревянная курица. Она не плачет и не смеется, у нее остановившееся лицо, какие обычно называют каменными. А в середине, в центре круга, ликует малознакомая чернявенькая девочка. На ней костюм гриба-мухомора: белый балахон оказался ножкой с крошечной юбочкой посередине, а на голову надета огромная шляпа конусом, похожая на абажур от торшера и раскрашенная, как божья коровка: красная с белыми кругами. Чернявенькая девочка захлебывается от восторга. Она даже не может устоять на месте: вертится, хохочет и притопывает, потряхивая сжатыми в кулачки руками. Она абсолютно, самозабвенно счастлива. Девочка Ира бежит мимо нее со своим каменным лицом, и в ее совершенно пустом сердце перекачивается изумленный вопрос: неужели можно так искренне радоваться, что ты – гриб? И неужели есть на свете люди, готовые платить такую цену, чтобы побыть в середине круга?

Ветрянка

Больная ветрянкой девочка стоит на кровати, высоко подняв ночную рубашку. Перед ней стоит медсестра с зеленкой. В одной руке у сестры банка с заляпанной этикеткой, в другой – длинная щепка с ватой, намотанной на один конец. Действие происходит не в изоляторе, а в общей палате. В изоляторе смысла нет, с ветрянкой бороться бесполезно: половина детей уже болеет, остальные заболеют в ближайшие дни. Так что на карантин закрыли сразу весь санаторий.

Дети переносят ветрянку довольно легко. Больные отличаются от еще не заболевших тем, что они густо покраплены зеленкой. У кого-то крапин побольше, у кого-то поменьше, по числу болячек. Потому что если болячку не помазать, то шрам от нее останется на всю жизнь, и ребенок вырастет рябым. И то же самое будет, дети, если болячку почесать. Но дети все равно чешут свои болячки, зато мазать дают их беспрекословно. Им кажется, что этим магическим ритуалом легко перекроется любой расчес.

«Снимай совсем», – говорит медсестра. Больная ветрянкой девочка снимает рубашку совсем и остается голой. Она совершенно не стесняется. Медсестра цепко осматривает ее со всех сторон, стараясь не пропустить между вчерашними пятнами яркой зеленки бледные новые прыщики – сегодняшние. Она макает палку с ватой в почти черный раствор и проворно набивает на детском теле частые точки, которые тут только и получают свой настоящий цвет – изумрудный. Она обнаруживает новые прыщики у девочки за ухом и, приподняв тыльной стороной руки ее волосы, прижигает ей болячку на затылке. «Подними руки», – говорит медсестра и тыкает зеленочной палкой ей подмышку. Болячки есть и под коленями, и на щиколотках, и между пальцами на ногах. Потом медсестра поднимает голову. «Там – есть?» – сурово говорит она, кивая на то место, где у девочки кончается туловище и начинаются ноги. Где туловище заканчивается нежным розовым треугольничком с плотно сжатыми створками. «Там – нет», – твердо отвечает девочка. Но там – есть. Со вчерашнего дня там есть болячка, между этими плотными створками и другими, нежными, похожими на лепестки или на крылышки.

Сейчас она полезет проверять. Сейчас она своими крепкими пальцами, испачканными зеленкой, ухватит, отогнет и увидит. Но медсестре неохота никуда лезть. В одной руке у нее банка с зеленкой, в другой палка с ватой, и три десятка детей, уже пятнистых и еще нет, ждут своей очереди на осмотр.

Больная ветрянкой девочка надевает свою ночную рубашку и залезает под одеяло. Зеленка высыхает мгновенно и почти уже не пачкается. И тут больную ветрянкой девочку накрывает ужас: ведь теперь эта страшная болячка так и останется у нее, останется прямо там – на всю жизнь.

Койка без соседа

Палата, в которой дети спят ночами и в тихий час, очень длинная. И кровати стоят в ней двумя очень длинными рядами. Один ряд вдоль высоко поднятых окон (чтобы достать до подоконника, надо залезть на кровать с ногами), а второй – вдоль другой стенки, без окон. Вообще-то здесь не кровати, а койки – с железными спинками и полосатыми ватными матрасами, положенными на пружинную сетку. На них удобно качаться и прыгать, но не очень удобно спать: у некоторых сетки так растянуты, что дети лежат в них как в гамаке. Койки стоят головами к стенке, ногами в проход, и в строгом порядке. Они сдвинуты по две: две койки, потом две маленьких белых тумбочки, и опять две койки и две тумбочки, и так до конца палаты. Поэтому у каждого из детей есть сосед: тот, чья тумбочка стоит рядом с твоей и чьи тапки стоят против твоих, пока ты спишь, и с кем ты оказываешься лицом к лицу, когда просыпаешься и спускаешь ноги с кровати. Соседом может быть и мальчик, и девочка: эти дети – младшие дошкольники, и поэтому они живут все вместе. Просыпаясь утром или после тихого часа, мальчики и девочки по всей огромной палате, опустив ноги в тапки, болтают каждый со своим соседом, и хохочут, и строят друг другу рожицы, и толкаются возле тумбочки, доставая оттуда припасенный сухарик. Все, кроме девочки Лены. Она единственная, у кого ни соседа, ни соседки нет, потому что ее кровать самая первая от двери. Там, где должен быть сосед, у нее просто пустое место, в которое открывается дверь. А за ним сразу торцевая стенка. Конечно, с обратной стороны к ее койке, как и положено, вплотную придвинута еще одна, чужая, и на ней живет какой-то безымянный мальчик. Только сосед он вовсе не для нее. Он спускает ноги в другую сторону. И там хохочет, там строит рожицы и толкается возле тумбочки. А девочка Лена живет одна. Ложась спать, она поворачивается на

бок, как велят воспитательницы, лицом к своей одинарной тумбочке и к торцевой стенке, и кладет обе ладони себе под щеку. Это страшно неудобно, и руки под щекой затекают, но это здешний закон, и за ним в санатории следят неукоснительно. Протяжно крича: «руки под щеку!» воспитательницы каждый раз обходят всю палату, непременно заглядывая каждому ребенку в лицо. Убедившись, что все лежат как полагается, они уходят на цыпочках, прямо мимо девочки Лены, тихонько затворяя за собой дверь.

И вот тогда, когда они уходят, тихонько затворяя за собой дверь, безмянный мальчик на сдвинутой койке, тоже очень тихо, стараясь не скрипеть пружинами, отворачивается от своего соседа и поворачивается к девочке Лене. Потому что он дерзкий и непослушный, этот мальчик. Девочка Лена лежит не двигаясь и делает вид, что не слышит, как он ворочается. И тогда безмянный непослушный мальчик просовывает свои руки под ее одеяло. И девочка Лена знает, что сейчас эти настырные руки найдут и начнут тянуть ее ночную рубашку. Но ночная рубашка им совершенно не нужна. Им нужно то, что внутри, у девочки Лены под рубашкой, со всеми ее самыми тайными и стыдными местами.

В садике все это называлось «глупостями». То есть не руки, конечно, – о руках там и речи быть не могло! – а все эти тайные и стыдные места человеческого тела. И нелепое слово – «глупости» – делало их какими-то детскими, дурацкими и смешными, и позволяло в любой момент решительно от них отмежеваться. Ей и самой случилось однажды наябедничать на эту тему. Она долго бежала по дорожке с нехорошим волнением и сладко бьющимся сердцем, ища воспитательницу, чтобы противным голосом протянуть: «А чего Зинка всем свои “глупости” показывает!» Воспитательница к полученной информации отнеслась индифферентно – то ли была глупа и не знала жаргона своих подопечных, то ли, напротив, была умна и потом сделала Зинке внушение наедине. А ябеда Лена почувствовала разочарование и стыд, который потом липко жег ее каждый раз, когда она вспоминала лето, и садик, и дорожку; не из-за «глупостей» жег, а потому что пожаловалась, и пожаловалась не нечаянно, а совершенно нарочно. Дорожка была длинная-длинная, и она могла сто раз передумать и дальше не бежать.

А осенью в садике кто-то наврал про близнецов Соколовых. Соколовы были две одинаковые белобрысые девочки с грубыми лицами и некрасивыми, по-мужски короткими волосами. Одеты они были в бедняцкие фланелевые кофты, застиранные и разные; глядя на это, Лена всегда испытывала дискомфорт, потому что близнецы, по ее глубокому убеждению, должны быть во всем одинаковыми. «А у Соколовых “глупости” мальчишковые!» – сказал однажды кто-то, и все побежали смотреть, и это оказалось чистым враньем. Девочка Лена тоже побежала смотреть, но ничего не увидела, хотя одна из Соколовых, хихикая и скалясь крупными кроличьими зубами, трепала свои штанишки, дразня желающих взглянуть на ее «глупости».

В санатории никаких «глупостей» не было. То есть не было именно что этого слова: это здесь не называлось никак. И оттого все детское, дурацкое и смешное из этого исчезало, и оставалась лишь тайна, постыдная и опасная.

Безмянный мальчик тянет под одеялом руки и нащупывает в девочке Лене это безмянное и постыдное. Если бы он, к примеру, ущипнул ее за локоть, она бы, пожалуй, громко заплакала и сказала бы воспитательнице: «А чего этот мальчик щипается!» Сказала бы, ведь это попытка отстоять себя, а не донести на постороннюю Зинку. Но мальчик вовсе не щиплет ее за локоть. Он вообще не щиплется – щиплются, мелко, остренькими ногтями, девчонки, когда хотят обидеть и сделать больно. А он, там, под рубашкой, хватается – широко, всей лапой, и мнет, как мнут гуттаперчевую игрушку. Он лезет, протискивается – тем увереннее, чем больше она цепенеет, лезет туда, к тому, чему нет названия, потому что все домашние, мамины слова тоже для этого не годятся.

Безмянный мальчик вряд ли хочет обидеть девочку Лену. Может, им движет исследовательское любопытство, может, другое – свой собственный опыт, душный и нехороший, а может еще что-то – жаркое, вязкое, звенящее, чему тоже нет и не может быть никакого названия. Это жаркое, вязкое и звенящее отдается в девочке Лене, когда она лежит

«руки под щеку» и лицом к двери, на нужном боку, не шевелясь и лишь сжимаясь всем телом, которое кажется ей раздавшимся и распаренным, как в бане.

Девочка Лена не знает и, в общем, не хочет знать, как зовут безымянного мальчика на сдвинутой койке. Она даже не очень знает, как он выглядит. Во всяком случае, в группе она его не узнает, да и он никогда ее не замечает, играя весь день с мальчишками в подвижные игры.

Снежные маски

Девочка Оля легла лицом в снег. Не от печали, а потому что надо же было ей чем-то заняться. По нелепой причине, досадной и не совсем осознанной, она не играла сейчас вместе со всеми в пятнашки.

Как и везде, игры здесь затевались по специальным правилам. Начиналось с того, что кто-то самый активный выставлял вперед кулачок с оттопыренным вверх большим пальцем и задорно выкрикивал: «Тай-тай-налетай, кто в пятнашки играй!» И тогда, услышав этот призыв, другие дети бежали и хватались за оттопыренный палец, насаживая на него свой собственный кулачок и подхватывая кричалку. Составлялась живая пирамидка из кулачков, вокруг которой кучей толкались дети, желающие играть. Иногда пирамидка получалась такая огромная, что первому, кто придумал игру, приходилось сгибаться, опустив свою руку почти до коленей, а тому, кто схватился за палец позже всех, тянуться вверх, вставая на цыпочки. А когда кому-то, кто опоздал, было уже и вовсе не прицепиться, ему могли язвительно сообщить, что больше в игру никого не принимают.

Иногда, когда хотят позвать кого-то конкретного, куча детей с нанизанными друг на друга кулачками, колеблясь и шатаясь, как веселый пьяница, подкатывает к нужному человеку и орет свою кричалку прямо ему в лицо, дружно и крепко тряся перед ним своей пирамидкой. А иногда вся эта куча, толкаясь и хором скандируя, просто катится туда-сюда, шумно и бестолково, и все дети, мимо которых она катится, прилипают к ней, как в сказке про золотого гуся.

Девочка Оля отлично слышала это «тай-тай-налетай» и отлично видела, как дети бегут, и хватаются, и пирамидка растет. Но почему-то сама она побежать не решилась. Может быть, она боялась, что когда она протянет руку, кто-нибудь резко рванет пирамидку в сторону и крикнет ей, зло и весело: «Мы с тобой не играем!» И ей придется понуро отойти прочь и чувствовать себя изгоем. Поэтому она благоразумно ждала, когда орущая куча подкатится к ней сама собой. Но сегодня куча никуда не катилась, а колыхалась на месте, быстро увеличиваясь. И пока девочка Оля тоже стояла на месте, только на другом, и ждала, куча уже разбухла и рассыпалась. Раздался крик: «Валька вода!», и дети разом забегали, пятная друг друга и уворачиваясь друг от друга. Можно было, конечно и сейчас побежать и влиться в общую игру, для надежности сразу подставившись воде, но девочка Оля почему-то этого не делала. В результате ей срочно надо было искать другое занятие. Можно было, к примеру, лепить снеговика – снег для этого был самый что ни на есть подходящий, и трое детей поодаль уже катали три снежных кома. Но туда уж точно было не вклиниться – снеговик, как известно, состоит как раз из трех частей, и кому ты там будешь нужна со своим четвертым комом. Можно было, конечно, и к ним не идти, а катать свой собственный ком до того момента, пока он, намотав на себя весь снег, не доберется до самой земли с торчащей прошлогодней травой. Но девочке Оле вдруг стало тускло и скучно. Поэтому девочка Оля и легла лицом в снег.

Снег был пухлый, немного колючий и такой холодный, что через секунду девочке Оле показалось, что он жжется. Лицо ее запылало, и у нее перехватило дыхание. Она потерпела еще немного и поднялась, не забыв посмотреть на ямку, которая от нее осталась. В ямке угадывалась выемка от носа, а остальное было смазано – вероятно, стерлось, когда она вставала. Девочка Оля немного подумала и подошла к длинному, как диванная спинка, сугробу, который нагреб, расчищая дорожку, дворник. Поверх затвердевшей основы на нем лежал нетронутый мягкий снежок, такой же, как на засыпанном газоне. Здесь даже не нужно

было ложиться: девочка Оля опустилась на коленки и осторожно вжала лицо в обжигающую мякоть. Подождав, когда снег вокруг ее щек оплавится, она осторожно лицо свое вынула и посмотрела, что получилось. Теперь в ямке был заметен след не только от носа, но и от бровей, и даже от губ. Девочка Оля сделала шаг в сторону и снова вдавилась в сугроб. Пока лицо ее было опущено в снеговую подушку, ее накрывал тихий покой, и визг играющих в пятнашки доносился совсем издалека, будто с другой планеты.

В это время, дрогнув, над ней зажегся фонарь: вечер наступал в санатории рано, задолго до ужина, и когда они возвращались с прогулки, бывало уже совсем темно. Фонарь вспыхнул сначала фиолетовым, совсем темным, а потом, подрагивая и будто расправляя невидимые крылья, стал наливаясь силой и яркостью. Через полминуты он уже светил обычным своим светом, в котором не было ничего интересного. Девочка Оля взглянула на свой сугроб и обомлела. Перед ней лежало пять настоящих белых лиц, выступающих из снега. Пять одинаковых снежных Оль с закрытыми глазами. Они были совершенно живые, так не сделает ни один скульптор. Игра света сотворила чудо: вдавленное стало казаться выпуклым, и лишь нагнувшись совсем низко можно было понять про обман зрения. Девочка Оля попробовала еще раз, теперь с открытыми глазами – и получилось, а еще получилась на этом последнем слепке широкая улыбка. Разгораясь толчками, как бенгальский огонь, у девочки Оли внутри заискрилось нежданное счастье. Совсем немного осталось ей ждать – еще чуть-чуть, и кто-то из пробегающих мимо детей первым заметит ее сокровище.

В дюнах

К девочке Гале приехали в санаторий родители. Они взяли ее за ручки, мама за правую, а папа за левую, и вывели за ограду. Потом они перешли через шоссе и пошли на залив. Они прошли под соснами с оранжевыми наверху стволами и спустились прямо к морю. Залив был серым и тихим, у берега громоздились торосы ноздреватого, с черными подпалинами, позднего льда, а дальше мерно колыхались просторные балтийские воды.

В санатории всегда была зима, а здесь нет, здесь был уже совершенно весенний день, нежный и пасмурный. На пустынном пляже снег почти совсем сошел, обнажив в широких проталинах грубый, крупного помола песок, почти сплошь покрытый обломками тростника – губчатыми легкими трубками, сухо шуршащими под ногами. Ветер был свежий и почти теплый. Вернулись под сосны; здесь ветра не было, а о снеге почти уже ничего не напоминало: на мягкой, парной земле ковром лежали сухие сосновые иглы, из которых торчал живой жесткий вереск и темно-зеленые, кожистые листья брусники. Родители посадили девочку Галю на толстую сумку, которую мама положила на пень, и достали термос. Распаренный чай, налитый в алюминиевый колпачок со знакомой вмятиной, дымясь, остывал на воздухе. Большой двойной бутерброд с желтым сыром, зажатым двумя кусками простого черного хлеба, который на улице всегда вкусней, чем дома, уже очистили от размякшей бумажки и дали девочке. Девочка Галя сидела на твердой маминой сумке, кусала невыносимо прекрасный уличный бутерброд, ждала, когда остынет чай в колпачке, и слушала голоса мамы и папы. Мама и папа были молодые, красивые и радостно улыбались.

И как-то его вдруг совсем больше не стало – санатория.